

Эстафета

Зая, год семьдесят девятый

Постороннему наблюдателю семьдесят девятый год у зейских гидростроителей мог показаться самым что ни на есть рядовым годом, не высвеченным ни одним сколько-нибудь ярким событием. Однако его с полным правом следует отнести к наиболее трудным периодам стройки, когда коллектив совершенно неожиданно был подвергнут суровому экзамену.

Неожиданно ассигнования были жестоко урезаны. С полного разгона гидростроители будто ударились в невидимую преграду. «Экстренное торможение» немедленно породило множество проблем и среди них наиважнейшую — проблему сохранения кадров. Первыми стали покидать стройку вечные гонцы за длинным рублем, те, над кем к этим дням итак уже нависла угроза расчета: любители поработать по принципу «не бей лежачего» и прочие представители подобной публики. Обладая чутким нюхом, они заранее подобрали себе места, куда можно устроиться и, не дожидаясь приглашения на собеседование, рванули «по собственному желанию». Их не удерживали — скатертью дорога. Неузвимая публика. Что они потеряли? Да при сложившемся положении вещей, по существу, ничего не потеряли. Даже выиграли, ибо получили видимость оправдания — на стройке сокращение! — очередного «перелета».

Штаб стройки подверг скрупулезному анализу работу всех подразделений, выискивая возможности, на чем-то сэкономить или что-то отложить на будущее, но некоторого сокращения коллектива избежать все-таки не удалось. Вообще-то сокращение на таких стройках — явление вполне есте-

ственное, и каждый человек, здесь работающий, заранее знает, что в свое время он может быть сокращен или ему предложат перевод на другую родственную стройку. Но как бы там ни было, а в такие моменты руководителям стройки не позавидуешь. Как водится в подобных случаях, к обсуждению кандидатур, намеченных к увольнению, были привлечены партийные, профсоюзные и комсомольские организации. Учитывалось все: трудолюбие, семейное положение, производственный стаж, шансы на перевод в другие организации.

Секретарь парткома стройки В. К. Федоров надолго запомнил те дни. На заседаниях парткома то и дело обсуждались вопросы о снятии с учета коммунистов. Разные люди, разные обстоятельства, разный подход... Не всегда гладко проходили эти обсуждения.

— Вашей бригаде, товарищ, на стройке дел еще много. Почему уходите?

— Перевод на БАМ вы обязаны мне дать. Есть постановление.

— Да, такое постановление есть. Но с партучета мы вас все-таки не снимем. Такое право у нас тоже есть.

Конфликт затянулся на несколько месяцев.

Бывало и так:

— Товарищ... чем мотивируете свое желание уйти?

— Интересы больше нет, орден розданы, с премиями туго.

В кабинете на минуту повисает тяжелая тишина.

— Жаль, что раньше вас не раскусили. Тем не менее еще с годик вам придется поработать у нас. Решение окончательное. Обжаловать не советуем.

Старая истина: человек раскрывается в трудные моменты.

Первоначальный и заключительный этапы большой стройки имеют определенное сходство: в обоих случаях при больших затратах видимые результаты непропорционально скромны. На первоначальном этапе много времени и сил уходит на ориентировку, на поиски и репетирование оптимального варианта, к которому ведет много тропинок, и лишь одной из них суждено стать торной дорогой. А на заключительном этапе сплошной фронт распадается на ряд мелких, изолированных друг от друга объектов. Использование механизмов усложняется, возрастает доля ручного труда. Да и накопившиеся «хвосты» подчас становятся поперек дороги. Обойти стороной сейчас их уже невозможно, и изволь устранять.

Начальник строительства Алексей Михайлович Шохин докладывал на партактиве:

— Объем в сравнении с предыдущими годами, не так уж велик. Но это кажущаяся незначительность задач семьдесят девятого года. Да, объемы меньше, но как сложны возможности по их выполнению! Что для нас 100 тысяч кубометров бетона? Но ведь, чтобы уложить, к примеру, бетон в водослив, нужно закрыть донные отверстия и смонтировать еще не только не изготовленные, но даже и не запланированные балки на гребне плотины, демонтировать часть эстакады на отметке «298». И при всем этом самого бетона будет уложено всего 25 тысяч кубометров. Короче говоря, подготовительные работы отнимут больше труда, времени и средств, чем сам объект.

Начальник строительства не случайно привел в пример водослив и донные отверстия. Не объекты, а сплошная морока. Эти объекты вышли на повестку дня, когда гребень плотины приблизился к проектным отметкам, а мес-

тами и достиг их. Такова последовательность сооружения плотины.

Водослив высоконапорной ГЭС — опрокинутое гигантское «Г». Именно в его заovalенном изгибе водопад меняет свое направление, теряя при этом значительную часть кинетической энергии, и, достигнув бетонного «носка», взрывается мириадами брызг. При прямом падении водопад легко пробьет толщу воды и начнет разрушать основание плотины.

Работать на водосливе — балансировать между небом и водой: не застраховавшись — даже не шевелись.

А взять донные отверстия, которые пронизывают плотину насквозь. В свое время по ним пропускали реку. Сейчас надобность в них отпала, и их одно за другим заглушают бетоном. На чертеже отверстие выглядит как лежащая усеченная пирамида, повернутая основанием в сторону верхнего бьефа. Если вообразить невероятное и допустить, что бетон не схватится с материнским монолитом плотины, то и тогда «пробка» выполнит свою роль. Чем сильнее будет давление воды, тем туже она расклинится в донном отверстии.

Снаружи плотины мощных гидростанций выглядят просто: ничего вычурного, строгие формы, соразмерные пропорции. Глыба глыбой, а как смотрится! Ну у кого повернется язык сказать, что Братская ГЭС, например, не шедевр архитектуры? Зато внутри чрева плотины новичок почувствует себя как в дремучем лесу — настолько головоломно оказывается это сооружение. Бесчисленные переходы, закоулки, тупики, площадки, коридоры, шахты, потерны, трубопроводы, насосы, таинственно выглядывающие из бетона металлические конструкции и предметы...

Спецмонтажники весь год перебивались случайными работами. Не «гремели», но и не унывали,

Особенно если удавалось заполучить такую выгодную «шабашку», как сборный железобетон. Одна из «заматерелых» загадок планирования нашего производства. Когда монтажник имеет дело со сборным железобетоном, то он «сотки не ловит», детали по месту не притирает и не пришабривает, разными микрометрами, щупами и калибрами не пользуется, а требуемой точности добивается главным образом с помощью лома и кувалды. Однако четырехразрядник, занятый на сборном железобетоне, всегда в зарплате обставит шестиразрядника, занятого на монтаже гидроагрегата.

При бетонировании донных отверстий рабочему надо обладать навыками монтажников, уметь плотничать, класть бетон, обладать приличным здоровьем. Выбор главного инженера стройки В. В. Конько остановился на спецмонтажниках. Начать выпало бригаде Владимира Попова. Он из кубанских казаков — куда занесло! — сухощавый, подвижный, со смоляными бакенбардами. В его отсутствие за бригадира Валерий Гороховик. Валерий всегда обстоятелен и спокоен. Да в этой дыре на дне реки к резвости не очень-то тянет. Воздух слишком уж насыщен влагой. Да еще электро-сварка, да газорезы. Дышится трудно. Даже от небольшого физического усилия сердце начинает «молотить».

Забетонировали первое отверстие, второе... Конько качеством работ остался, кажется, доволен. Похвалил скупно, но не без основания же отдал остальные донные отверстия в монополию спецмонтажникам.

Будни стройки шли своим чередом, а гидростанция уже стала крупнейшим поставщиком электроэнергии на Дальнем Востоке. Она обеспечивала более восьмидесяти процентов суммарной выработки электроэнергии по Амурской области. Ее энергия шла на

БАМ и в Хабаровский край. И все это происходило в крайне неблагоприятных для эксплуатации гидростанции природных условиях. Лето семьдесят девятого года было исключительно засушливым, и уровень воды на Зейском водохранилище к зиме оказался ниже, чем он был год назад.

Кругом полыхали лесные пожары. Плотная дымная мгла нависла над землей. Запах пожарищ проникал в квартиры через плотно закрытые окна. Реки катастрофически обмелели. Уровень воды в верховьях Зеи упал до отметок, какие не наблюдались за последние тридцать пять лет. Например, гидрометеопост в поселке Бомнак в 1934 году зафиксировал 196 сантиметров, и только 185 сантиметров — в июле 1979-го. Приток воды в створе «Зейских ворот» снижался до 117—120 кубометров в секунду. Не будь Зейского водохранилища, из которого в нижний бьеф сбрасывалось до 600 кубометров воды в секунду, то судоходство на Зее было бы просто парализовано. И не только на самой Зее. За счет водохранилища перебился и Амур в своем среднем течении. Несомненно, — хотя это и трудно уложить в конкретные цифры — и земледельцы, живущие на берегах реки, тоже испытали жизнетворное влияние водохранилища.

Провожая семьдесят девятый год, зейские гидростроители с чистой совестью могли сказать, что с достигнутых рубежей они не отошли, с ритма не сбились, качеством не поступились, о перспективе позаботились — при самых стесненных обстоятельствах сумели выделить для Бурейской ГЭС часть своих сил и средств. Костяк коллектива тоже сохранился и устоял, именно ударный труд этих людей обеспечил общий успех. Они каждодневно, из месяца в месяц, без лишнего шума и саморекламы, просто и буднично делали ДЕЛО.

Шестой и последний

В начале мая 1980 года заместитель министра прислал зейским гидростроителям телеграмму, в которой просил обеспечить пуск шестого гидроагрегата в июне текущего года. С одной стороны, конечно, было лестно, что тебя просит столь высокое начальство, но в то же время разве только зеленый новобранец не уловит в отеческом тоне замминистра приглушенный металл. В случае чего слесарь как-нибудь отмигается, не расстраивая при этом свою нервную систему. Но куда податься руководителям производственных подразделений? Поэтому лучше не искушать судьбу, а просьбы такого рода принимать к обязательному исполнению.

Для прорабства Спецгидроэнергомонтажа телеграмма не явилась неожиданностью, но и особых восторгов тоже не вызвала. Кому охота ударить перед министерством лицом в грязь, но ведь далеко не все зависит только от самого тебя. К моменту получения телеграммы по генератору уже имелся приличный задел, зато первые узлы рабочего колеса турбины поступили на стройку только восьмого мая.

К весне восьмидесятого года прорабство спецмонтажа заметно уменьшилось: кое-кто из местных рассчитался, кое-кого откомандировали на Нижне-Камскую и Чебоксарскую ГЭС. Особенно поубавилось инженерно-технического персонала. Если во время сборки первой машины их было десять человек, то ныне осталось только четверо: Е. А. Шейнкер — руководитель прорабства, прорабы В. А. Гранкин и С. К. Леонтьев и мастер А. А. Платонов.

Шестую машину они надолго запомнят. Она их порядком вымотала. Но не бывает худа без добра. Самой логикой дела оказалось ликвидированным одно из главных зол нашего производства — бес-

смысленное дублирование, приводящее в конечном счете к обезличке специалиста. Ведь из десяти мастеров и прорабов никто вроде дурака не валял. Все они были по горло чем-то заняты и пропадали на первом агрегате дни и ночи. Но в толчее они не столько объединяли свои усилия, сколько мешали один другому. На шестой же машине Иван лишился возможности кивать на Петра — отвечай сам. А конкретная ответственность неминуемо пробуждает в специалисте — если он чего-то стоит — хозяина производства, в лучшем смысле этого слова.

Сейчас в некоторой степени стало даже модным говорить о дефиците кадров. Только что приведенный пример — пример частного порядка, но кое на какие размышления наводит. Сколько на сей день в нашей стране таких «прорабств», «организаций» и «контор», в которых и в упор не разглядишь, а тем более не поймешь, какие же все-таки служебные обязанности выполняет тот или иной специалист. Есть такой «специалист» — ладно, нет — еще лучше.

Знакомый газетчик — из «битых» — поучал меня во времена оные:

— Если хочешь быстренько узнать, чем занимаются сотрудники того или иного производственного учреждения, пройдишь по его коридорам. Если стены завешаны разными схемами, графиками, списками, призывами, вопросниками, объявлениями и прочей рукотворной продукцией — поворачивай оглобли: по меньшей мере половина тутошних сотрудников ест чужой хлеб.

С годами убедился, что в рецептах того газетчика содержится немалая доля истины.

На шестой машине пришлось произвести очередную перетасовку бригад. Сквозную бригаду тур-

бинистов возглавил Николай Михайлович, «патриарх» прорабства, которому, по подсчетам доморощенных остряков, «до пенсии осталось всего тысяча смен, не считая дней полочки». Но сам Михайлыч разговаривать о пенсии не любит. Рассчитывает еще смонтировать агрегаты на Колымской ГЭС. Тамошние машины однотипны с зейскими, и опыт Волкова не будет иметь цены. Остается только пожелать Михайлычу доброго здоровья. Там оно особенно пригодится. Цивилизация цивилизацией, но Колыма остается Колымой.

На звенья поставили пробойных ребят: В. Чайку и Г. Спирина. Третье звено досталось Евгению Мельникову.

Не первый раз пишу о Жене и всегда с удовольствием. Мастерской и интеллигентный парень, обладающий врожденным чувством художника. Не так уж часто сочетаются в человеке такие качества. Однажды смотрел его резьбу по дереву и был удивлен мастерством. Добавлю к этому, что Женья парень безотказный. Только не мешало бы ему как-то суметь показать самого себя. А то часто бывает так: у парня золотые руки, а он всегда держится в тени. Зато его партнер по работе не упускает случая обнародовать: «Я болт сделал — не болт, а чистое золото. Я курицу вывел — не просто дура хохлатка, а курица о трех ногах». И самое удивительное, что со временем люди начинают верить, что его болт — действительно «чистое золото», а его курица — «о трех ногах». А там смотришь, в президиумы начинают выбирать, и «загремел» новоявленный «передовик производства».

За колесо взялись без раскочки, с той неторопкой сноровкой, когда исполнитель не только понимает, что он должен сделать, но и умеет это сделать. Колесо, как говорится, обрело товарный вид

прямо на глазах. И, когда уже уверились, что оседлали стремительное время и самое трудное позади, железнодорожники подставили подножку. Вагон с некоторыми узлами агрегата — среди них и крестовина рабочего колеса — при преодолении границы Европы с Азией куда-то бесследно пропал. Поиски длились неделю, пока вагон не обнаружили на подступах к Иркутску. Подгоняемые мольбами и анафемами, путейцы турнули вагон курьерской скоростью дальше на восток. Свою репутацию железнодорожники все-таки спасли, зато спецмонтажники потеряли целых девять суток. Легко сказать: минимум восемнадцать полновесных рабочих смен!

Лицо у руководителя прорабства Шейнкера еще больше осунулось.

— Как жизнь-то, Евгений?

В ответ красноречивый жест ребром ладони по горлу: «Время!»

Вся последовательность работ была окончательно похоронена. Сбой создал критический дефицит времени. Все повисло на волоске. Полусобранное колесо немим укором торчало среди монтажной площадки. Лишний раз на него старались не смотреть. Только бригада Алексея Шайкина, собиравшая неподалеку подпятник генератора, несколько оживляла невеселую картину. Забегая вперед, надо сказать, что бригада задание выполнила безупречно. В такой пиковый момент руководители стройки в общении со спецмонтажниками взяли, пожалуй, единственно верный шадящий тон.

На планерках начальник управления ЗейГЭСстроя А. М. Шохин полнокровным голосом вразумлял проштрафившихся:

— Тоже логика: я ничего не делаю, потому что мне кто-то или что-то мешает. Если я начну делать — мне опять будут мешать. И далеко вы рассчитываете уехать на своей логике? Если у вас дей-

ствительно для оплаты некоторых работ не хватает денег, то говорите конкретно — где и сколько? Если запросите два миллиона, я их вам не дам. Нет у меня таких денег. Если запросите в пределах возможного и обоснованного, мы этот вопрос здесь и решим. Так сколько?

Вся фигура инженера — мучительное раздвоение: не продешевить бы! Глаза начальника строительства прижимисто поблескивают за стеклами очков: не переплатить бы! На местах легкое оживление.

— Ладно. Подумайте еще и доложите позднее. — Тут начальник строительства глазами отыскивает сидящего поближе к дверям Шейнкера и широким жестом привлекает к нему внимание собравшихся. — Ни одной — НИ ОДНОЙ! — минуты спецмонтаж не должен потерять по вине строителей. И вообще — как у вас дела, Евгений Абрамович? Ну-ну, будем надеяться, что все утрясется.

Главный инженер Конько тоже придерживался такой линии поведения, но несколько в другом исполнении. Когда он проходил по монтажной площадке, здороваясь налево и направо, то по его виду вполне можно было подумать, что дела у спецмонтажников идут великолепнейшим образом, а они сами — прекрасные, пример для всех, парни. И заранее типун тому на язык, кто брякнет, что они хотя и профессионально умелая, но трудноуправляемая публика.

Секретарь парткома Федоров в машзале появлялся всегда как-то незаметно и так же незаметно его покидал. Кому-кому, а ему, инженеру-механику по образованию, хорошо известны обобщающие законы и правила, которыми руководствуются при сборке и эксплуатации сложных машин. Излишнее «размазывание» сейчас вызовет у рабочих только иронические усмешки. Сдержанностью тоже надо уметь распорядиться.

Ответив на очередные вопросы рабочих, Федоров лаконично суммировал:

— Партком делает все возможное, чтобы выправить положение.

В обеденный перерыв слесари спешили покинуть машзал — душе отдых. Подолгу простаивали у левобережной стенки, наблюдая за стаями острокрылых чаек. Здесь, в ветровом затишье перед плотной, птицы неумоимо кружились в плотном хороводе и, будто по предварительному уговору, поочередно пикировали на воду. Выхватив из воды рыбешку, стремительно проносились низко над рекой и, круто взмыв, опять пристраивались к хороводу.

Запаздывающая весна скупо одаривала теплом. Холодный ветер пронизывал спецовки. Вторая половина мая, а на водохранилище еще панцирь льда. На вершинах дальних сопок — снеговые шапки. Лиственные деревья не спешат одеться в зеленый наряд. А багульник, вестник солнца и тепла, за суровую зиму будто весь вымерз и не подает признаков жизни.

Зато сама ГЭС прихорашивалась. Готовилась к наплыву гостей. Начиная от моста через Зею и до самого здания ГЭС, строители прокладывали торжественно-просторный проспект: с широким шоссе, с черноземными полосами под травы и цветы, с нарядным пешеходным тротуаром, со строгим — со стороны реки — парапетом. Спешно отделялось административное здание станции. Пошла на слом отслужившая свой срок временная проходная. Внутри машинного зала все ненужное убиралось, наводились чистота и порядок.

В оформлении машзала спецмонтажники тоже внесли свой вклад. Бригада Василия Чувакина давно уже начала вести поточное перекрытие — этакий серебристый экран над головами, который в сочетании с передней

стеклянной стенкой придавал всему машзала ощущение легкости и объемности.

В эти дни все чаще собирались различные приемо-сдаточные комиссии. Эксплуатационники входили в роль полновластных хозяев гидростанции.

— Владимир Васильевич, на сих комиссиях вы сейчас в качестве кого присутствуете: как хозяин, как гость или уже как бедный родственник?

Конько смеется:

— Меняются времена — меняются и хозяева. Но мы пока еще держимся.

Да, завершение стройки — для строителя большая радость, но все-таки нелегко расставаться с тем, чему отдал полтора десятка лет своей жизни.

Когда злополучная крестовина прибыла на место, и рабочее колесо было наконец собрано, спецмонтажники сами себе вынесли беспощадный приговор: к первому июля агрегат на холостые обороты поставим, но дать ему промышленную нагрузку, хоть тресни — не успеем. Времени не хватит. И на этот раз уже никакие громы и молнии, никакие похвалы и просьбы, ни мед, ни скипидар положения не исправят. Единственный шанс успеть — не задерживать колесо на монтажной площадке для проведения гидравлических испытаний, а немедленно нести его на свое место в кратер агрегата. А испытания провести параллельно с очередными работами. Решение было весьма рискованным и, прежде всего, не в смысле техническом, а в смысле финансово-административном, если можно так выразиться.

Вдруг при испытании обнаружится дефект такого порядка, для исправления которого колесо придется вытаскивать обратно? Значит, демонтируй все, что к той поре к колесу успел «пристроить»?! Тогда не только в июне, а и в июле агрегат не пустить. А

во-вторых: откуда брать деньги для оплаты внепланового демонтажа и повторного монтажа? В такой ситуации руководитель любого производственного коллектива призадумается.

Шейнкер позднее признался: «На такой шаг я вторично не решусь».

Последующие испытания подтвердили: колесо «в норме». Все повеселели: из тупика выбрались. Повеселел и А. Я. Баршт, руководитель группы шеф-монтажа Ленинградского металлического завода. Колесо и ему порядком нервы потрепало. Впрочем, для Аркадия Яковлевича это не первый снег на голову. Должность такая. Вполне возможно, что крылатое выражение: «Хочешь жить — умей вертеться» — родилось именно в среде шеф-монтажников, поскольку на тебя жмут сразу с нескольких сторон. Прежде всего и в любом случае умей защитить интересы родного завода, если даже завод в явных неладах с производственными планами. Строителей тоже надо уметь умаслить. У них глотки крепкие: заведутся, так до самых «верхов» трезвой поднимут. С эксплуатационниками контакт имей — они покупатели оборудования и твой завод держат «на крючке». Хотя, оговорюсь, тут не всегда поймешь, кто кого держит «на крючке». А уж о спецмонтажниках и говорить нечего. Для завода они люди посторонние, но «лицо» ему создают. К тому же все заводские дефекты, за редчайшим исключением, спецмонтажники исправляют задарма, хотя, согласно закону, завод такие работы должен оплачивать. Вот так-то: шуми, да оглядывайся. Для таких, как Баршт, впору какой-то именной орден придумать. Не за святость, разумеется, а за подвижничество, за верность однажды выбранному делу, в компенсацию той горе шишек, которая уже высыпалась и еще будет сыпаться на его голову.

Познакомились мы с Барштом в 1958 году на Волгоградской ГЭС, и с тех пор, он, наверное, и трех месяцев не просидел на одном месте безвыездно. Ночи на жестких вокзальных скамьях, гостиницы и общежития, сухие бутерброды, запиваемые водопроводной водой, круглосуточные бдения на монтажных площадках... Многие ли выдержат такую жизнь? Последние годы Яковлевич стал прихварывать, но внешне «каким он был — таким остался»: поджарым, длинноногим, импульсивным. Пора бы Яковлевичу занять какую-то «не пыльную синекуру» — а таковые у шеф-монтажников есть, — но только почему-то они все ему не достаются.

Представитель шеф-монтажа «Электросилы» Николай Курочкин много моложе Баршта. Дер-

На Бурее

В середине осени Новобурейский и его окрестности напоминают мне один из тех некрупных городов, что рассеяны по предгорному Ставрополю. Две вполне городские улицы, а за ними побеленные известью, «станичного образца» одноэтажные дома; убранные огороды с одревеневшими стеблями перестоявшего подсолнечника: горьковато-кислый дымок от многочисленных тусклых костров по огородам и улицам, в которых сжигаются картофельная ботва и опавшие с деревьев листья. За огородами пожухлая, прихваченная первыми ночными заморозками степь, а еще дальше — полукольцо сглаженных высот, бурых от увядающего дубняка. Но, в отличие от Ставрополя, за высотами не маячат исполинские, со снеговыми вершинами, горные хребты.

Новобурейский пока еще тих и провинциален, но скоро грянет его звездный час и взорвет устоявшу-

жится несколько в стороне, с достоинством человека, выполнившего свой долг. Что ж, Николай может позволить себе такую линию поведения: генераторы «Электросила» почти всегда поставляет вовремя.

19 июня «шестой» был готов. Последняя приборка, последние осмотры генератора. Турбинисты собирают инструмент. Волков придирчиво его осматривает. Что-то ворчит себе под нос. Вернее всего, этим инструментом ему пользоваться больше не придется, но непорядка Михайлыч не терпит. Все должно быть прибрано к месту.

20 июня рано утром «шестой» сделал первые холостые обороты. 28-го дал промышленный ток. Все шесть гидроагрегатов Зейской ГЭС введены в эксплуатацию.

юся тишину — на радость молодым, к печали стариков. В разговорах о стройке на Бурее часто подразумевается лишь гидростанция в окрестностях заимки Талакан, что значительно выше по реке от Новобурейского. Между тем одновременно и параллельно с этой головной ГЭС мощностью за два миллиона киловатт будет строиться еще одна гидростанция — совсем недалеко от Новобурейского. У нее уже есть свое имя — Нижнебурейская. Мощность ее сравнительно скромная — 285 тысяч киловатт. Плотина — частично бетонная, частично каменно-набросная. Но при своих скромных данных она поможет решить целый ряд сложных инженерных и хозяйственных проблем, которые породит ее «старшая сестра». Из этих проблем, пожалуй, самая сложная — регулирование уровня воды в нижнем бьефе Бурейской ГЭС. Дело в том, что эта станция будет работать в пиковом

режиме, и, значит, ее агрегаты будут ставиться под нагрузку в часы максимального потребления электроэнергии. Естественно, и сброс воды в это время будет максимальным. Река за короткий срок может «вспухнуть» на три-четыре метра. Зато в другое время суток — в какое именно, это уточнится самой практикой эксплуатации — большинство агрегатов будет стоять, сброс воды соответственно уменьшится, и река стремительно обмелеет. Не трудно себе представить, как отразились бы такие «судорожные» перепады на судоходстве, на рыбных запасах, на прибрежных поселениях и полях, если берега во все времена года будут подтапливаться и размываться.

Промежуточному водохранилищу и отводится роль накопителя-выравнивателя. Весь сток воды будет пропускаться через Нижнебурейскую ГЭС не «залпами», а равномерно. В перспективе это водохранилище может стать отменной зоной отдыха и местом интенсивного рыбоводства. Ко всему перечисленному следует добавить, что плотина Нижнебурейской ГЭС будет выполнять роль автодорожного моста...

Теперь вернемся к Талакану. Иногда можно услышать: «На Бурее будет труднее, чем было на Зее». Так оно или не так, судить не берусь. Да и вряд ли кто способен предвидеть все то, с чем придется столкнуться гидростроителям на Бурее, где предстоящий объем работ значительно больше, чем на Зее. Но по отдельным статьям бурейцы находятся все-таки в более благоприятных условиях, чем те, кто в свое время начинал на Зее. Прежде всего это утверждение относится к коммуникациям. Обе стройки привязаны к своим перевалочным базам: Тыгда и Новобурейскому, расположенным на Транссибирской магистрали. Однако у Новобурейского явное преимущество перед станцией

Тыгда: здесь грузы можно переваливать из вагонов и на автотранспорт, и на баржи и теплоходы. В Тыгде же загружается только автотранспорт, а речная «перевалка» находится в городе Свободном, еще километров на триста дальше на юго-восток.

Опыт гидростроителей, приобретенный на Зее, тоже ложится на чашу бурейцев. На эту же чашу и производственная база, созданная на Зее. Ведь в шестидесятых годах по всей Амурской области не было предприятий строительной индустрии, которым было бы под силу взвалить на себя выполнение хотя бы самых неотложных заказов гидростроителей. Но и эта беда еще не вся беда. Изготовишь, а как подвезти, особенно если груз крупногабаритный! На тогдашней дороге Тыгда — Зея во время даже небольших дождей лошади тонули: а что остается сказать об автомашинах? Река тоже выручала постольку-поскольку: когда-то баржу загрузят да когда-то она «причапает».

Поэтому, думается, не будет преувеличением сказать, что Зея-ГЭСстрой закладывался на пустом месте. Теперь же он сам стал вполне надежным, хотя и не очень близким, тылом, подпирающим стройку на Бурее.

Но во всем остальном на Бурее, по-видимому, будет потруднее. Прежде всего с жильем. У бурейцев нет под боком своего «города Зеи», где можно бы разместиться на первых порах. Что сам построишь — в том и живи. Жилищный вопрос можно бы несколько смягчить развитием индивидуального строительства, но уже сегодня есть основание сказать, что «индивидуальщики» на Бурее явно не в фаворе. Трудно с материалами и ссудами... Между тем опыт строительства Братской, Усть-Илимской, уральских и других северных гидроэлектростанций убеждает, что «индивидуальщик многое может».

Кто он такой — индивидуальный застройщик? Это, как правило, человек, которому уже за тридцать и больше, семейный, профессионально утвердившийся; деньги, как и все мы грешные, тоже любит, но за длинным рублем не бегают. А если он еще заведет огорожок да коровенку — это уж совсем хорошо. Короче говоря, индивидуальный застройщик — это надежные кадры. Кто сейчас смотрит на них сверху вниз, не пришлось бы тому на Бурею вспомнить о бараках, без коих обошлись на Зее, и опять же в немалой степени за счет все того же... индивидуального застройщика.

Воздушный мост Зея — Бурейская ГЭС тоже мог бы в определенной степени компенсировать недостаток жилья. Сейчас дорога отнимает двое суток: сперва автобусом, потом поездом и опять автобусом. Не столько едешь, сколько пересаживаешься. Для самолета же не надо и двух часов. Оставляй пока семью в Зее, а сам отправляйся работать на новую стройку. Соскучился по семье — слетай на пару деньков. А там, смотришь, и квартира на новом месте подоспеет.

Реален ли такой «мост» в ближайшие годы? Прогнозы самые осторожные. Есть целый ряд объективных причин и обстоятельств, пока что препятствующих «приземлению» проекта Талаканского аэропорта. И руководителям стройки предстоит проявить всю силу своей «пробойности».

Есть еще одна задача, решение которой во многом зависит от партийных и советских органов Бурейского района — создание по близости от стройки животноводческих и полеводческих комплексов. Пока же здесь все привозное. Молочные продукты в Талакане получают только детские учреждения. В продаже их нет. Но из прикидок следует, что уже года через два на стройке будет жить не две тысячи человек, как сей-

час, а намного больше. Где возьмут они молоко, картошку, капусту?

Во время беседы в Бурейском РК КПСС услышал: «Не дают фондов...» Но и под лежащий камень вода тоже не течет. Тем более, что животноводческие и полеводческие комплексы относятся к тому разделу непреходящих ценностей, которые даже вне зависимости от хода дел на стройке не будут лишними ни для района, ни для всей области. По современным понятиям и масштабам Талакан не такая уж и глушь, как его порой стараются преподнести. Уже сейчас пашут, сеют и пасут скот меньше чем в полусотне километрах от него. Так что животноводческие и полеводческие комплексы надо не столько приближать, сколько развивать.

Дорога к створу «вырезается» в скале. Глубоко внизу катится Бурей. Берега стеснили реку, но порогов здесь нет. Надо пристально всмотреться, чтобы различить мелкие, но бесчисленные завихрения, испещряющие гладь реки, — вестники быстрого течения. Дорога уже пробита до самого створа, и сотрясаются буровые станки. Стальные штанги наискось погружаются в гранитную твердь. Тут же неподалеку «Уралец» ворочается в кармане — тупике. Зубья ковша подолгу скребутся по камням, но ковш не наполняется и наполовину. Одна гусеница впритык со скалой — другая у кромки насыпи. Потому машинист почти не отводит стрелу от продольной оси экскаватора, а грунт ссыпает перед внешней гусеницей, а затем осторожно подталкивает его к обрыву пяткой ковша. Может быть, я и ошибаюсь, но мне думается — не экскаватор бы сюда, а пяток крепких мужичков с ломом да лопатами. «Рубашка» скалы вся в трещинах, чуть прикрытая тонким слоем травянистой

земли. Сгребай землю, расшатай камни и сталкивай вниз. Ясно, что без взрывчатки тут много не сделаешь, но в данном случае пять человек сделают все-таки больше, чем мощный экскаватор со всей его прислугой. Не слишком ли мы молимся на технику? Всегда ли целесообразно живые мускулы заменять машинами? Ведь протащить тяжелую технику через горы, мари и таежные труды — уже сам по себе труд египетский. И окупится он лишь в том случае, если доставленную технику ждет соответствующий объем работ.

Но рискни иной руководитель, основываясь на здравых расчетах, внедрить вместо экскаватора лопату и тачку — его немедленно обвешают ярлыками: антимеханизатор и т. д.

Но вернемся в Талакан. За минувший год поселок вроде мало изменился. Но это обманчивое впечатление. Добавилось многое, но объекты рассредоточены на большой территории — за горами и лесами их не сразу и отыщешь. Все окрестности — только горы и провалы между ними. На такой рельеф строитель не может смотреть без скрежета зубового. Пока подведешь под нивелир... Зее только позавидуешь. Там было в достатке ровных и обширных площадок, на них свободно разместились производственные и бытовые объекты.

В самом поселке прибавилось несколько домов да несколько еще достраивается. Бросается в глаза новая столовая. Деревянная, но нарядная и вместительная. Да и кормят в ней неплохо. Секретарь парткома СМУ В. С. Агеев вводит гостей в вышеупомянутую точку общепита, как в божий храм. Что ж, гордость законная: тут вложены и его труд и нервы. Просторные магазины, любовно отделанный Дом культуры... А вот с возведением бани затянули. Есть «баня-временюха», но мыль-

но-парной сервис в ней ниже среднего.

Знакомый плотник, щурясь от яркого солнца и в то же время поеживаясь от пронзительного ветра, гуляющего над взгорьем, ставит осторожный диагноз: что зима грядущая готовит? Прикидывает так и этак, но выпадает одна и та же карта: оиять мандраж хватим. Но тут же спешит самоутешиться: «Нынешняя тепло-холодная зимовка — последняя. На будущую зиму в квартирах установится «Ташкент».

— Сейчас для нас нет более важной и более острой проблемы, чем готовность ЛЭП Завитая — Талакан. А покамест живем за счет своих изрядно износившихся энергопоездов. Получаем от них не более 60 процентов требуемого. Отсюда прохлада в квартирах и простой механизмов, — говорит заместитель начальника управления ЗееГЭСстроя, командующий сегодня на Талакане, Владимир Владимирович Щупляков.

Щупляков еще молод, 1945 года рождения. Намекнул ему, что хотя у меня и солдатский чин, но гидростроительству отдал почти тридцать лет и полагаю, что белое от черного все-таки отличу, и потому меня не следует глушить цитатами из последних обязательств. Посмеялись. Намек, пожалуй, был лишним. Чувствуется, что собеседник хорошо понимает возможности и значение печатного слова, и если уж разговор возник, то, как человек дела, хочет извлечь из него максимально возможную пользу. За добрый прием стараюсь не остаться в долгу. Когда разговорились насчет готовности буреицев приступить к выполнению основных работ, позволил себе возразить, что скромность, разумеется, украшает человека, но и самоумаляться не надо. Сделано немало и сделано целеустремленно. Дороги пробиты, временный поселок и речной причал есть, ремонтные службы соз-

даны, теплый гараж стоит, коллектив уже выкристаллизовывается... Конечно, до требуемых масштабов еще далеко, но плацдарм для наступления на реку — уже реальность. Добавь бурейцам людей, техники, материалов, денег — и тогда они, опираясь на заложенный ими фундамент, будут горы опрокидывать и реки останавливать. Не так ли?

Мой нехитрый комплимент был, кажется, принят. И действительно — прошло совсем немного времени после этой встречи, и дело повернулось к тому, что уже в ближайшие годы бурейцам предстоит «опрокидывать горы и ос-

танавливать реки». Стройка была названа в числе важнейших в принятых на XXVI съезде КПСС Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. И вот теперь правительство приняло решение ускорить строительство Бурейской ГЭС, с тем чтобы первые ее агрегаты были поставлены под промышленную нагрузку в 1990 году.

Эстафета славных амурских гидростроителей, покоривших, казалось, неукротимую Зею, продолжается. Они выходят на новые рубежи.